

ГЕНОЦИД АРМЯН—ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(О правомерности термина и юридической квалификации)

ЮРИЙ БАРСЕГОВ (Москва)

Геноцид армян—первое в истории человечества широкомасштабное международное преступление, совершенное с целью убийства целого народа по политическим мотивам. На его завершающей стадии, начавшейся в 1915 г., в соответствии с заранее разработанным планом были лишены жизни 1,5 млн. армян и около 800 тыс. человек принуждены к бегству из страны, которую их предки населяли на протяжении тысячелетий. Преднамеренные действия турецкого правительства, отраженные в объективно констатируемых бесспорных фактах и подтверждаемые неопровержимыми документами и свидетельствами из самых различных источников, полностью соответствуют составу преступления геноцида и подпадают под его определение в международном праве в том виде, в каком оно дано в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Хотя этот геноцид во всем мире с полным основанием рассматривают как «классический», те, кто выступают в качестве защитников организаторов и исполнителей этого преступления, по понятным всем причинам пытаются отрицать или извращать объективные и общеизвестные факты, прибегая к грубой и открытой фальсификации истории, выдвигая самые противоречивые, взаимоисключающие версии¹.

Скрыть от мира физическое уничтожение одного из древнейших народов мира, внесшего крупный вклад в развитие человеческой цивилизации,—задача, конечно, непосильная. Армения без армян—сама по себе представляет неопровержимое доказательство геноцида. Столь же мало перспективны попытки оправдать эти действия соображениями «государственной безопасности» и «правом на самосохранение», к которым прибегали и сами организаторы и исполнители этого преступления: они ясно и недвусмысленно отвергаются международным правом.

Понимая, конечно, всю несостоятельность своих «исторических» аргументов, современные защитники организаторов и исполнителей этого преступления на последнем рубеже своей ненадежной, шаткой обороны отступают под прикрытием «правовых» аргументов чисто формального характера. Объясняя эти новые явления в их поведении, французский исследователь геноцида армян Ив Тернон пишет: «Введение концепции геноцида и трансформация в образе мышления и, как следствие этого—в морали, внесли в турецкую позицию основательные сдвиги. Турецкая историография отступила под прикрытием

... ¹ По словам Пьера Видаль-Наке, официальная «государственная истина» Турции по этому вопросу выражается следующим аллогизмом: «Геноцида армян не было; этот геноцид был полностью обоснован; армяне сами себя вырезали; это армяне вырезали турок» (Tribunal Permanent des Peuples. Le crime de silence. Le génocide des Arméniens. Préface de Pierre Vidal-Naquet, Paris, Flammarion, 1984, p. 12—13).

тезиса об отсутствии намерения совершить геноцид. Она готова обсуждать насилие, крайности, число погибших, но не может пересмотреть свой отказ отождествлять преступление младотурок с преступлением против человечества². Такая позиция характерна не только для академических кругов этой страны. Эту же линию проводят и представители Турции при обсуждении вопроса о геноциде армян в рамках ООН—в Комиссии по правам человека и в Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Так, 16 марта 1979 г., настаивая на исключении упоминания геноцида армян в подготовленном исследовании, турецкий представитель аргументировал свою позицию, в частности, тем что сами по себе «жесткость и насилие, как бы ни были достойны осуждения, не составляют обязательно геноцида и не должны смешиваться с ним». В данном конкретном случае, по мнению турецкого наблюдателя, «вероятно можно говорить о жестокости или насилии и излишних репрессивных мерах, но если принимать во внимание историческую подоплеку, рассматриваемые события объективно не могут быть квалифицированы принятым определением геноцида»³. Этой же позиции придерживались турецкие представители и в последующем. Так, 19 августа 1985 г. при обсуждении исследования о геноциде на сессии Подкомиссии, турецкий представитель Э. Явузалп, признавая «достойные сожаления» факты, тем не менее выражал «сожаление» по поводу «тенденции вольного применения термина геноцида почти ко всякому случаю, связанному с значительной потерей жизней». По его словам, «если геноцид должен определяться как наказуемое международное преступление, то нужно позаботиться, чтобы не подменить само понятие. Было бы трудно,—сказал он,—квалифицировать армянское дело как геноцид»⁴.

Излагая суть турецкой официальной позиции по этому вопросу, участник Подкомиссии бельгийский эксперт Боссют заявил: «Как я понял, турецкое правительство не отрицает, что по отношению к армянскому народу были совершены жестокие и неоправданные насилия, но оно отвергает их квалификацию как геноцида»⁵.

Как отмечалось в газете «Известия», «представители некоторых стран в Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств Комиссии ООН по правам человека «отрицают правомерность квалификации событий 70-летней давности как крупнейшего и жесточайшего акта геноцида»⁶. К такого рода аргументам прибегают иногда даже те западные представители, которые в целом признают факт геноцида армян, но в то же время, руководствуясь соображениями натовской солидарности, воздерживаются от соответствующей его международно-правовой квалификации. Так, при обсуждении специального исследования, подготовленного Н. Рухашиянкико, французский эксперт Жювиньи, несмотря на то, что его страна признает факт массового уничтожения армянского населения

² Y. Ternon, *La cause arménienne*, Paris, 1983, p. 179—180.

³ Commission on human rights. Thirty-fifth session. Summary records of the 1520th meeting. Doc. E/CN.4/SR.1520. 16 March 1979.

⁴ Commission on human rights. Sub-commission on prevention of discrimination and protection of minorities. Thirty-eighth session. Doc.: E/CN.4/Sub.2/1985/SR.21. 23 August 1985.

⁵ «Le Monde» (Paris), 22 Août 1985, p. 5.

⁶ «Известия», 17. XI. 1985. Газета специально отметила, что «СССР к их числу не принадлежит».

в Османской империи, поддержал предложение представителя Турции об исключении ссылки в п. 30 на геноцид армян, обосновывая свое поведение тем, что сомневается в необходимости «исторического обзора геноцида, когда юридическое определение геноцида еще не было установлено»⁷. Эта линия апологии геноцида армян основывается на двух взаимоисключающих, но одинаково ложных тезисах. В одном случае утверждают, что были факты, но не было намерения. В другом—исходят из того, что физическое уничтожение армян вообще не может квалифицироваться как преступление геноцида, т. к. такого понятия в то время еще не было: сама квалификация соответствующих действий как преступления против человечества и, следовательно, их наказуемость были якобы установлены Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой в 1948 г. и вступившей в силу только 12 января 1955 г. Ссылаясь на известный принцип, гласящий, что «закон обратной силы не имеет» и утверждая, что Конвенция эта не может распространяться на ранние случаи геноцида, пытаются исключить возможность международно-правовой оценки физического уничтожения армянского населения как геноцида, несмотря на полное соответствие установленных фактов составу этого преступления в том виде, как он был сформулирован в этой Конвенции.

Отрицая правомерность юридической квалификации физического уничтожения турецким государством армянского населения подвластной им Западной Армении в 1876—1923 гг. как преступления геноцида, тем самым отрицают и правомерность такой квалификации и всех других случаев массового уничтожения национальных групп, совершенных до даты вступления в силу этой Конвенции. Это в полной мере относится и к историческому факту уничтожения фашистской Германией 12 млн. лиц славянского и еврейского происхождения в годы Второй мировой войны на территории оккупированных ею стран Восточной Европы, поскольку в то время, когда осуществлялись эти акты геноцида, самого термина еще не было и соответствующие действия Германии, так же, как в свое время—действия Турции, определялись описательно как «массовое уничтожение» или «истребление».

Первым документом международного характера, в котором применяется термин «геноцид», был обвинительный акт от 18 октября 1945 г. против главных немецких военных преступников, представших перед Нюрнбергским военным трибуналом, но и он использовал этот термин *post factum*. Ни в самом Уставе Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками европейских держав оси, ни в его приговоре от 1 октября 1946 г. слова «геноцид» вообще нет. Так, пункт «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге говорит об «убийствах, истреблении, порабощении, ссылках и других жестокостях, совершенных в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследованиях по политическим, расовым или религиозным мотивам...».

Если обуславливать правомерность квалификации действий, подпадающих под состав этого преступления на формальном основании договорного признания термина, то тогда возможность такой

⁷ Commission on human rights. Thirtieth session. Provisional summary record of the one thousand two hundred and eighty-sixth meeting. Held . . . on Wednesday, 6 March 1974. Doc. E /CN. 4/ SR. 1286. 8 March 1974, p. 7.

квалификации пришлось бы ограничить не только актами геноцида, совершенными после принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, но и кругом государств, подписавших и ратифицировавших ее. Юридическая и политическая неадекватность такого предположения очевидна. Таким образом, вопрос о термине и связанный с ним вопрос о юридической квалификации актов геноцида, совершенных до принятия Конвенции или же совершенных после ее принятия государствами, не подписавшими или не ратифицировавшими Конвенцию, приобретает принципиальное значение. Соответственно и вопрос о квалификации геноцида армян, выходя далеко за его рамки, касается всех других известных случаев геноцида.

Хотя термин «геноцид» был предложен польским юристом д-ром Рафаэлем Лемке после того, как был завершен процесс прямого физического уничтожения армянского населения во всей Западной и на части Восточной Армении, на самом деле как сам термин, так и определение состава этого преступления тесно связаны именно с геноцидом армян. Очевидно, что д-р Лемке не изобрел новое преступление, а лишь подобрал наиболее точный термин для обозначения существовавшего уже понятия о преступном нарушении норм международного права, направленном на уничтожение целых национальных групп людей, как таковых. Как отмечается в специальном исследовании ООН по этому вопросу, «слово геноцид появилось сравнительно недавно как неологизм, обозначающий старое преступление»⁸. Элементарная логика подсказывает, что не термин, каким бы удачным он ни был, создает преступление, а преступления ведут к принятию термина. Очевидно, что термин «геноцид» мог появиться только после того, как имели место эти преступления. Именно поэтому уже в 1933 г., т. е. спустя всего лишь 10 лет после завершения геноцида армян, когда его ужасы были живы в памяти человечества, д-р Лемке, еще не имея подходящего термина, дал описание элементов этого преступления. В специальном докладе, представленном на Пятой конференции по унификации международного уголовного права, состоявшейся в Мадриде 14—20 октября 1933 г., Лемке внес предложение об объявлении действий, направленных на уничтожение или разрушение расовых, религиозных или социальных групп, варварским преступлением по международному праву—*delicta juris gentium*. Единственным крупномасштабным преступлением, которое д-р Лемке мог иметь в 1933 г. в качестве реальной основы предложенного им определения и которое содержало состав преступления геноцида, было уничтожение армянского населения порабощенной Турцией части Армении. Что же касается самого термина «геноцид», то он был найден д-ром Лемке позднее—в 1944 г., т. е. спустя почти десять лет после описания самого этого преступления⁹. Как и описание этого

⁸ Комиссия по правам человека. Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Пересмотренный и обновленный доклад по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, подготовленный г-ном Б. Уайтекером. Док. ООН: E/CN.4/Sub.2/1985/6, с. 9.

⁹ Raphael Lemkin, *Axis Rule in Occupied Europe*, Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 1944. См. также его статьи: *Genocide—A Modern Crime* („Free World“, 9 (April 1949), p. 39—43); *Genocide* („The American Scholar“, 15-2 (Spring 1946), p. 227—230); *Genocide as a Crime under International Law* („American Journal of International Law“, XLI (1947), p. 145—171); *Genocide as a Crime under International Law* („United Nations Bulletin“, IV (1948), p. 70—71).

преступления, подбор для него адекватного термина также был тесно связан с физическим уничтожением армян турецким государством. Еще до того, как Р. Лемке предложил термин «геноцид», образованный из греческого «genos» (раса, нация или племя) и латинского «cide» (убивать) и означавший дословно «убийство наций», весь мир единодушно квалифицировал действия турецкого правительства в отношении армян как преднамеренное «убийство целой нации», как «истребление целого народа», как «разрушение», «уничтожение» армянского народа. Такие определения действий турецкого правительства по отношению к армянам содержатся в многочисленных источниках—самых различных по характеру и по национальной принадлежности. Тут и сообщения прессы, и частные письма очевидцев, и донесения разведки, и заявления общественных и политических деятелей, и официальные акты государства, в том числе и союзников Турции. В этих общепринятых оценках в конкретной форме присутствовали основные элементы определения этого преступления как «убийства целой национальной группы». Достаточно сравнения этих оценок с термином «геноцид», предложенным Р. Лемке, чтобы убедиться в том, что он представляет собой всего лишь греко-латинскую кальку именно с общепризнанного определения преступления, совершенного турками и через двадцать лет повторенного гитлеровскими нацистами. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что физическое уничтожение армянской нации в Турции, как первый широкомасштабный геноцид XX в., стал непосредственной реальной основой для появления и утверждения этого термина и определения состава самого преступления. Об этом прямо, не оставляя места для каких-либо сомнений, говорит сам д-р Лемке в автобиографии: «В 1915 году немцы оккупировали В[аршаву] и весь район. Я использовал это время для изучения истории. Я следил, не уничтожаются ли национальные, религиозные или расовые группы. Правда пришла только после войны¹⁰. В Турции 1.200.000 армян было убито только за то, что они были христианами». По признанию Лемке, он был потрясен полным отсутствием правосудия, полной безнаказанностью этого преступления: «После окончания войны около 150 турецких военных преступников были арестованы и интернированы британским правительством на острове Мальта. Армяне послали делегацию на мирную конференцию в Версале. Они требовали правосудия. Но в один из дней делегация прочитала в газетах, что все турецкие военные преступники были освобождены. Я был потрясен. Нация была убита, а виновные в этом люди были освобождены. Почему наказывают отдельную личность, когда один человек убивает другого? Почему убийство миллиона людей должно быть меньшим преступлением, чем убийство одного человека?» Р. Лемке прямо и недвусмысленно пишет, что именно геноцид армян побудил его посвятить свою жизнь борьбе с преступлением геноцида. Снова обратимся к автобиографии: «Все больше и больше я солидаризировался со страданиями жертв, чье число возрастало по мере того, как я продолжал изучать историю. Я понял, что функция памяти состоит не только в том, чтобы регистрировать прошлые события, но стимулировать

¹⁰ Германия, как известно, была союзницей Турции в войне, и германские оккупационные власти осуществляли жесточайшую цензуру в отношении событий в Армении. Официальные документы германского правительства были опубликованы только после окончания войны.

человеческую совесть. Вскоре последовали современные образцы геноцида, такие, как избиения армян в 1915 г. Мне стало ясно, что существование различных наций, религиозных групп и рас необходимо для цивилизации, так как каждая из этих групп должна осуществить свою миссию и внести свой вклад в развитие культуры... Я решил стать юристом и работать для того, чтобы поставить геноцид вне закона и чтобы государства сотрудничали в его предупреждении. Более того, в связи с выработкой и принятием Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказанию за него Р. Лемке поставил перед собой прямую цель—добиться, чтобы Турция ратифицировала ее в числе первых, хотя и сознавал, с какими трудностями он столкнется: «В моем сознании созрел смелый план. Он состоял в том, чтобы Турция ратифицировала Конвенцию в числе двадцати ее первоначальных участников. Это было бы искуплением за геноцид армян. Но как добиться этого? ... Турки гордятся своей республиканской формой правления и прогрессивными идеями, которые помогли им заменить правление Османской империи. Конвенция о геноциде должна быть поставлена в рамки социального и международного прогресса. Я знал, однако, что в этом разговоре обе стороны вынуждены будут избегать упоминания одного предмета, хотя он постоянно будет в их сознании: армяне!»¹¹. И хотя в годы Второй мировой войны Р. Лемке вместе с другими польскими евреями сам стал жертвой геноцида и потерял 49 членов своей семьи, события эти не затмили в его сознании ужасы геноцида армян. Вводя в оборот термин «геноцид», Р. Лемке имел в виду и геноцид армян в Османской империи, и геноцид славянского населения и евреев оккупированных стран Европы. 26 июля 1950 г. в письме Тельме Стивенс он писал: «Эта Конвенция—вопрос совести и испытание нашего личного отношения к злу. Я знаю, что в июле и августе слишком жарко, чтобы работать, но не желая быть сентиментальным или прибегать к цветистым фразам, все же скажу: давайте не будем забывать, что жара этого месяца не так тяжела для нас, как жара печей Аушвица и Дахау или убийственная жара пустыни Алеппо, которая испепелила тела сотен тысяч армян-христиан—жертв геноцида 1915 года»¹².

Вполне закономерно, что уже в самые первые годы появления термина «геноцид», еще до того, как он был воспринят в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в специальной литературе была отмечена правомерность его применения к факту физического уничтожения армянского народа турецким государством. В статье «Начало геноцида», впервые опубликованной на языке идиш и позднее—в 1948 г. переведенной на английский язык¹³, Джозеф Гуттман отмечал, что корни этого преступления восходят к геноциду армян: «Специальный научный термин геноцид был изобретен для того, чтобы характеризовать

¹¹ The Raphael Lemkin Papers, N. Y. Public Library. Выдержки опубликованы в материалах слушания в сенате США: Crime of genocide. Hearing before the Committee on foreign relations, United States Senate, Ninety-ninth Congress, First Session on the prevention and punishment of the crime of genocide. March 5, 1985, Wash., 1985, p. 204.

¹² Там же, с. 203—204.

¹³ Joseph Guttman, The beginnings of genocide. A brief account of the Armenian massacres in World War I. New York 1948. Оригинальный текст опубликован в: Ylvo Bleter. Journal of Yiddish Scientific Institute, vol. XXVIII № 2.

организованную попытку уничтожения целой этнической группы. Кто-то мог подумать, что в новое время такого преступления еще не было, но это неправильно. Нацисты организовали массовое убийство в неслыханном масштабе с беспрецедентной «научной» жестокостью; но уже до этого в наш «просвещенный» век имела место грандиозная попытка уничтожить целую нацию. Она имела место если не прямо в Европе, то у самых ее ворот, а ее жертвами были не члены «диких племен», а цивилизованный христианский народ. Если методы убийства, в сравнении с «научной» эффективностью нацистов, кажутся довольно примитивными (газовые камеры в то время еще не были известны), мы тем не менее видим там все элементы, которые позднее были «усовершенствованы» нацистами: был хорошо подготовленный план действий; координированные операции всей администрации, направлявшиеся обладавшей сильной властью партийной машиной; стимулированное правительством подстрекательство толпы к насилию; убийство всех мужчин, которые могли бы оказать сопротивление; разрушение семей, отделение мужчин от женщин, детей от родителей; массовые депортации в условиях, при которых большинство депортированных погибли в пути; ликвидация оставшихся в живых в отдаленных районах в концентрационных лагерях или во время «маршей смерти». Некоторые читатели уже конечно догадались, что я имею в виду турецкие зверства в отношении армян тридцать лет назад¹⁴.

Примечательно, наконец, и то, что все международные акты, введшие термин «геноцид» в оборот, прямо указали, что это определение применимо и ко всем известным случаям разрушения и уничтожения национальных групп. Так, Генеральная Ассамблея ООН уже в резолюции 96(1), принятой на первой сессии 11 декабря 1946 г., подтвердив, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением», прямо и определенно относит к этой категории международных преступлений все предшествовавшие случаи. «Можно указать,—говорится в резолюции,—на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы»¹⁵. Сама Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, отмечая в преамбуле, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству», подтверждает правомерность квалификации в качестве геноцида всех действий, подпадающих под описанный ею состав этого преступления. То, что и до ее принятия и вступления в силу геноцид рассматривался как преступление по международному праву со всеми вытекающими из этого последствиями, следует из ясно выраженных слов этой Конвенции, в статье I которой стороны (в том числе и сама Турция) «подтверждают», а не устанавливают, что геноцид «является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение».

И в дипломатической практике, и в научной литературе сегодня квалифицируются как геноцид все случаи, имевшие место до утверждения этого термина. Достаточно в этой связи сослаться на специальные доклады по вопросу о предупреждении геноцида и нака-

¹⁴ Там же, с. 3.

¹⁵ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии: с 23 октября по 15 декабря 1946 г., с. 140.

зании за него, подготовленные по заданию Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Н. Рухашиянником (Руанда) в 1978 г. и Беном Уайтекером (Англия) в 1985 г.¹⁶

Очевидно, что суть вопроса сводится не столько к самому термину, сколько к его правовому содержанию: с оценкой разрушения национальной группы, физического уничтожения целого народа связаны юридическая квалификация этих действий как тягчайшего международного преступления против человечества и, как неизбежное следствие этого, постановка вопроса об ответственности.

Отрицая правомерность юридической квалификации как международного преступления всех актов геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, и утверждая, будто сама наказуемость этого преступления была установлена ею, хотя прервать действие причинно-следственной связи между преступлением и наказанием, пытаются не допустить постановки вопроса об ответственности.

Международное право признает наказуемость всех актов преступлений геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказанию за него. Судебное преследование и наказание главных военных преступников на Нюрнбергском процессе не были произвольным осуществлением власти со стороны государств-победителей. Правомочия Нюрнбергского трибунала в отношении преступлений, совершенных до принятия и вступления в силу Конвенции, основывались на признании геноцида преступлением против человечества на основе обычных норм международного права. Именно на основании действовавших уже до ее принятия обычных норм и принципов международного права осуществлялось преследование и устанавливалась мера наказания за это международное преступление. Тогда, как и теперь, международное право исходило из того, что действия, посягающие на основы существования и препятствующие нормальному развитию таких человеческих групп, как нации и народы, представляют особую опасность для человечества и должны рассматриваться как международные преступления или как преступления против человечества и человеческой цивилизации. Эти принципы и нормы международного права, воплощенные в Уставе Международного военного трибунала, нашли свое выражение в вынесенном им приговоре. Считалось достаточным признание наказуемости по международному праву тех составляющих содержание геноцида действий, которые перечислялись в ст. 6 Устава, включая такие преступления против человечества, как «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам». Хотя к юрисдикции самого трибунала относились лишь те из них, которые были совершены «с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала», квалификация актов геноцида, совершенных до 1939 г. как международного преступления, очевидна. Таким образом, рассматривались как международное преступление убийства фашистами немецких евреев, а также евреев и лиц иной национальности из стран, воевавших на стороне Германии, хотя они не считались подпадающими под юрисдикцию трибунала¹⁷.

¹⁶ Док. Е /CN. 4/Sub. 2/ 416; Е /CN. 4/Sub.2/1985/ 6.

¹⁷ Я. Броули, Международное право, кн. II, М., 1977, с. 255.

Особую ценность для понимания существовавшей правовой ситуации имеет известное консультативное заключение Международного суда ООН от 28 мая 1951 г. по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в котором суд ясно и недвусмысленно отметил, что «принципы, на которых основана Конвенция, являются принципами, признанными цивилизованными нациями обязательными для всех государств вне всякой связи с Конвенцией»¹⁸. Это означает, что акты геноцида представляют собой преступление независимо от того, были ли они совершены до или после вступления в силу Конвенции. Это означает также, что нормы международного права, примененные к оценке действий фашистской Германии в отношении евреев и славянского населения Восточной Европы, применимы и к оценке идентичных по содержанию действий турецкого государства в отношении армян. Это подтверждается и конкретным международно-правовым инструментарием, прямо и непосредственно относящимся к геноциду армян.

Значение конкретных международно-правовых актов, принятых в связи с геноцидом армян, выходит далеко за рамки этого конкретного преступления и имеет огромное значение для международно-правовой квалификации актов геноцида вообще. Именно в связи с геноцидом армян впервые в истории, задолго до принятия резолюций Генеральной Ассамблеи ООН 96(1) от 11 декабря 1946 г., 180(II) от 21 ноября 1947 г. и 260(III) от 9 декабря 1948 г. и заключения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в официальных международных актах, а затем и в доктрине международного права была дана исчерпывающая юридическая квалификация действий, составляющих геноцид, как «преступления против человечества» и была сформулирована идея наказуемости этого преступления, идея личной уголовной ответственности членов турецкого правительства за его организацию и осуществление.

Важную, хотя до сих пор еще не получившую должного признания, историческую роль в четкой юридической квалификации фактов уничтожения целых национальных групп как наказуемого преступления против человечества сыграла Россия и русская доктрина международного права. В условиях, когда правительство Османской империи уже приступило к заключительной стадии геноцида армян—к реализации и заранее разработанного плана их полного и повсеместного физического уничтожения сперва в пределах подвластной ей Западной Армении, а потом и в смежных областях Восточной Армении, Россия, стремясь пресечь это преступление угрозой неотвратимости возмездия, выступила с инициативой совместного демарша главных союзных держав. Непосредственная цель русской инициативы состояла в том, чтобы остановить турецкое правительство и тем спасти армянский народ. Этим определяется как время этой инициативы, так и та срочность, с которой Россия добивалась ее реализации. 26 апреля (12 апреля старого стиля) 1915 г. министр иностранных дел России направил телеграмму послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу с поручением «предложить французскому (английскому) правительству опубликовать совместно с нами и с Англией (Францией) обращение к Порте, в котором личная ответственность за избиение армян возлагалась бы на всех чле-

¹⁸ Reserves à la Convention sur le génocide. Avis consultatif. C. I. J. Recueil. 1951, p. 15.

нов турецкого Совета министров, а также всех гражданских и военных должностных лиц, прикосновенных к этим событиям». В телеграмме указывалось также, что «в обращении можно было бы напомнить о репрессивных мерах, принятых Европой в 1860 году, после резни в Сирии». Эта ссылка в виде прецедента на акт гуманитарной интервенции, предпринятой официально в интересах предотвращения новой резни христиан-маронитов турками¹⁹, очевидно, должна была служить указанием на характер возможных санкций. Послам поручалось, в случае согласия английского и французского правительств с этим предложением, «условиться относительно текста обращения, которое желательно было бы опубликовать как можно скорее и в один и тот же день в трех странах»²⁰. В тот же день послы довели соображения своего правительства до министров иностранных дел Франции Делькассе и Англии—лорда Грея, изложив суть предложения в памятных записках. Ввиду срочности вопроса французский министр иностранных дел Делькассе направил в ночь на 27 апреля телеграмму послу Франции в Лондоне Полю Камбону, в которой он, сообщая, что «не видит возражений» к принятию русского предложения, просил выяснить мнение английского правительства и его согласие «возложить подготовку текста на русское правительство»²¹.

Срочная необходимость и значение совместной декларации резко возрастали по мере того, как становилась очевидной неэффективность «заступничества» США. Уже 5 мая 1915 г. посольство России в Париже сообщает местному министерству иностранных дел, что в связи с поступлением новых сообщений о резне армян и «ввиду неэффективности вмешательства американского посла, который ограничился призывом к османскому правительству взять «под защиту» армян», российское правительство считает необходимым срочно опубликовать предложенное Сазоновым коллективное заявление Порте в соответствии с памятной запиской имперского посольства от 26 апреля 1915 г.²² Через несколько дней—11 мая на рассмотрение английского и французского кабинетов был передан текст Декларации, предложенный российским министром иностранных дел Сазоновым: «В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля н. ст. резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Акне, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии; поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом Ване армянский квартал осажден курдами. В то же время константинопольское турецкое правительство подвергает арестам и небывалым притеснениям мирное армянское население. Ввиду новых преступлений, совершаемых Турцией против христианства и цивилизации, союзные правительства сям публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к резне

¹⁹ Этот случай до сих пор рассматривается в литературе международного права как «пример акции, совершенной из подлинно гуманных соображений» (Я. Бруи ли, указ. соч., с. 258).

²⁰ «Геноцид армян в Османской империи». Сборник документов и материалов. под редакцией М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1983, № 146, с. 280.

²¹ *Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens...*, № 19, p. 15.

²² Там же, № 22, с. 17—18.

армян»²³. Первым ответило английское правительство. Государственный секретарь по иностранным делам Грей сообщил российскому министерству иностранных дел о своем согласии с предложенным текстом декларации и о готовности опубликовать его в Лондоне, как только французское правительство даст свое согласие. Последнее предложило серьезную поправку терминологического характера, имевшую отношение к определению характера преступления. Дело в том, что в первоначальном проекте декларации преступлению геноцида армян давалась правовая оценка с христианско-этических позиций. Объяснялось это прежде всего тем, что само турецкое правительство, объявив армянам джихад, проводило геноцид под прикрытием ислама. С другой же стороны, в эпоху европоцентризма само международное право рассматривалось как право «христианских» или «цивилизованных» государств Европы. Мировая война и последовавшие за ней события стали важным этапом на пути отказа от такого европоцентристского подхода, и это нашло отражение в пересмотренном тексте рассматриваемого документа. При ознакомлении с французским текстом министр иностранных дел этой страны собственноручно заменил слова «против христианства» словами «против человечества».

Соответствующее изменение текста Декларации было согласовано в ходе его дальнейшего обсуждения, осуществлявшегося по дипломатическим каналам. Уже 20 мая 1915 г. «в ответ на ноты, многократно адресованные его превосходительством послом России по вопросу о преследованиях и избиениях армян, жертвой которых снова стало армянское население определенных вилайетов Турции»²⁴, министр иностранных дел Франции сообщил ему, что «французское правительство готово опубликовать в Париже декларацию, текст которой был сообщен ему его превосходительством г-ном Извольским в его ноте от 11 мая». Вместе с тем, «ввиду существующей для французского правительства необходимости щадить чувства мусульманского населения, которое живет под его суверенитетом», министр иностранных дел Франции высказывал мнение, что слова «против христианства и цивилизации» во втором параграфе предложенного текста «могли бы беспрепятственно исчезнуть». Мотивировалось это тем, что указанные слова «могли бы создать представление, будто интересы Франции в отношении Турции связаны только с христианским населением»²⁵. Французское правительство постаралось заручиться поддержкой в этом вопросе со стороны английского правительства. В тот же день, 20 мая 1915 г., сообщая английскому послу о своей готовности «опубликовать эту самую декларацию», французский министр иностранных дел предложил опустить из ее текста слова «против христианства и цивилизации». Убеждая английское правительство согласиться с его поправкой, французский министр рассчитывал, что соображения колониальной политики, которыми руководствовалась Франция, будут приняты во внимание и Британской империей: «заинтересованность в том, чтобы пощадить чувства мусульманского населения, проживающего под суверенитетом Франции и Англии, убедить, без сомнения, британское, так же как и французское

²³ Там же, № 29, с. 23.

²⁴ Вскоре после этого акты геноцида были распространены на всю территорию империи.

²⁵ Les Grandes Puissances, l' Empire Ottoman et les Arméniens . . . , № 35, p. 26—27.

правительство, в целесообразности воздержаться от указания, будто интересы двух держав находятся на стороне христианских элементов». Передавая через английского посла Э. Грея свои соображения, Делькассе просил сообщить, одобряет ли британское правительство «идею модификации задуманной декларации в указанном смысле»²⁶.

21 мая 1915 г. английский посол передал французскому министру иностранных дел предложение принять текст с исключением слов «христианства и цивилизации», в результате чего истребление армян квалифицировалось бы как преступление «против цивилизации». Кроме того, в последнем параграфе, где говорилось о привлечении к ответственности представителей правительства, причастных «к резне армян», предлагалось говорить о причастности к «подобной резне». Это положение вводило определенную степень обобщения, указывая, что наказуема не только резня армян, но и всякая «подобная резня». В конце сообщения посол от себя добавлял, что он телеграфно запросил Грея о возможности изъятия всей фразы «против христианства и цивилизации» как это было предложено французским министром накануне²⁷. В тот же день английский посол сообщил, что Грей соглашается с предложением Делькассе опустить всю фразу²⁸. Принятие этого предложения выхолостило бы юридический смысл совместной декларации и поэтому 24 мая 1915 г., в самый день, согласованный для опубликования декларации в трех столицах, российский посол в Париже Извольский получает указание своего министерства «срочно» довести до сведения французского министра иностранных дел телеграмму с изложением позиции российского правительства: оно «согласно заменить формулу против христианства и цивилизации словами против человечества и цивилизации и закончить декларацию, как того желает сэр Эдвард Грей, словами «к подобной резне» вместо «к резне армян». Выражая готовность опустить слова, вызвавшие возражение, российское министерство иностранных дел дало понять, что это продиктовано только как крайняя мера с целью не сорвать опубликование декларации 24 мая и выразило «надежду, что кабинеты Парижа и Лондона, примут внесенное им изменение»²⁹. Предложенная формула была принята, так как она не оставляла никаких политических оснований для прежних возражений и так как она была полностью обоснована с точки зрения международного права. В результате 24 мая 1915 г. Декларация была одновременно опубликована в Париже, Лондоне и Петрограде³⁰. Юридический анализ этого документа убедительно раскрывает его чрезвычайно важное значение не только с точки зрения квалификации преступления геноцида армян, но и в общем плане борьбы против этого преступления. Прежде чем дать оценку действиям турецкого правительства как «преступления против человечества и цивилизации», авторы декларации излагают эти действия, определяя тем самым сам состав преступления. Указывая на массовые убийства армян, совершавшиеся на основании их национальной принадлежности, и говоря о преступном характере

²⁶ Там же, № 34, с. 26.

²⁷ Там же, № 36, с. 27.

²⁸ Там же, № 37, с. 27—28.

²⁹ Там же, № 40, с. 29.

³⁰ Текст воспроизведен в кн.: «Геноцид армян в османской империи». Сборник документов и материалов..., с. 601—602, прим. 26. См. также: *Les Grandes Puissances, l' Empire Ottoman et les Arméniens...*, № 41, p. 29.

«подобной резни», они подчеркивали тем самым, что речь идет о применении к конкретному случаю резни армян общего нормативного положения международного права. В документе четко определяется отношение к этим массовым убийствам армян самого турецкого правительства не только как «попустительство», но и как «прямое содействие». Принципиально важное значение имеет указание на то, что происходят «новые преступления». Тем самым, во-первых, указывается, что прежние акты массового уничтожения армян тоже составляли преступление и, во-вторых, подчеркивается прямая связь новых преступлений геноцида армян с прошлыми актами геноцида этого народа.

Смысл квалификации геноцида как «преступления против человечества» не ограничивается указанием на тяжесть и масштабность этого преступления, на его общечеловеческие разрушительные последствия. С признанием геноцида армян тяжчайшим международным преступлением были сопряжены соответствующие политические и правовые выводы. Чрезвычайно важное с правовой точки зрения значение этого определения связано с заложенным в нем постулатом об ответственности и неотвратимости наказания. С точки зрения юридической, Декларация примечательна тем, что с квалификацией геноцида армян как «преступления против человечества и цивилизации» она связывает личную уголовную ответственность за это международное преступление всех членов турецкого правительства и его местных представителей, причастных к резне армян. Тем самым Декларация положила начало утверждению в международном плане личной уголовной ответственности физических лиц. При этом она явно и недвусмысленно отвергает возможность ссылки на доктрину «акта государства», согласно которой деяния, совершаемые государственными органами, инкриминируются собственно государству и это *eo ipso* исключает индивидуальную вину физических лиц, являющихся исполнителями этих деяний. Согласно же Декларации, официальное положение лиц, виновных в геноциде армян, являются ли они членами правительства или его представителями на местах, не может рассматриваться как оправдательное обстоятельство или как основание для смягчения наказания.

Международно-правовая квалификация геноцида армян как преступления против человечества неизбежно влекла также и признание обязанности международного сообщества государств и прежде всего тех, которые подписались под Декларацией или признали данную в ней оценку обеспечить правосудие, возможно более полное устранение последствий этого преступления, восстановление права и справедливости.

Юридическое значение имела и заблаговременная официальная нотификация турецкого правительства о международно-правовой квалификации его действий как преступления и их наказуемости. Она была осуществлена через нейтральное государство. В соответствии с предписанием министра иностранных дел Франции Делькассе, сохранившимся на архивном экземпляре Декларации, копия ее вместе с нотой министра от 25 мая 1915 г. была послана послу США в Париже Уильяму Шарпу с просьбой, чтобы его правительство «по обычным каналам» срочно довело до сведения оттоманского правительства³¹. В результате официальной нотификации турецкое правительство, продолжая геноцид армян, знало, какую международно-право-

³¹ Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens..., № 4e, p. 31.

вую квалификацию дает мир его действиям, знало об уголовной наказуемости совершаемого им преступления и о международной ответственности самого турецкого государства.

Таким образом, квалификация геноцида армян как преступления против человечества основывается не только на сопоставлении объективно установленных фактов с существующим определением состава этого преступления, но и на том, что именно геноцид армян впервые в истории этого преступления был квалифицирован *expressis verbis* как преступление против человечества по международному праву.

Содержащаяся в Декларации международно-правовая квалификация геноцида армян как «преступления против человечества» впоследствии неоднократно подтверждалась не только ее авторами — главными союзными державами, но была поддержана и другими государствами³². Союзные державы перед всем миром торжественно и официально обещали наказать преступников — виновников мучительной гибели ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей; обещали восстановить поправное право и справедливость в отношении армянского народа — жертвы этого преступления. Идея международной ответственности турецкого государства должна была лечь в основу послевоенного мирного урегулирования. Преступление, совершенное турецким государством, окончательно порвало юридические связи между ним и его армянским населением. Мир исходил из того, что геноцид не может порождать для государства, совершившего это тяжчайшее международное преступление, каких-либо прав или преимуществ в ущерб интересам его жертвы. Допущение противоположного означало бы не только отрицание самой идеи права, но было бы противно самым элементарным представлениям о справедливости и морали в международных отношениях.

ՀԱՅՆՐԻ ՅԵՂԱԼԱՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՆՅԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆ Ի
ՄԱՐԴԿՈՒԹՅԱՆ ԴԵՄ

(Յերմինի օրինագրության և իրավական ռազմավարման մասին)

ՅՈՒՐԻ ԲԱՐՍԵԳՈՎ (Մոսկվա)

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Արդի թուրքական պատմագիտությունը և պաշտոնատար անձիք կաշվից դուրս են գալիս «ապացուցելու», որ ցեղասպանություն (գենոցիդ) տերմինը կիրառելի չէ հայերի ցեղասպանություն՝ մարդկության պատմության մեջ առա-

³² Оценка геноцида армян как «преступления против человечества» была сразу же воспринята и доктриной международного права, оказав большое влияние на ее развитие в этой области. В этой связи прежде всего следовало бы указать на курс русского юриста-международника А. Мандельштама «Международная защита прав человека», изданный Академией международного права в Гааге, а также на другие его труды, специально посвященные армянскому вопросу (André N. Mandelstam, La protection internationale des droits de l'homme, Academie de droits international. Recueil des cours. 1931. IV. Tome 38 de la Collection, p. 152—154, La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. Pedon, Paris; 1925; Das Armenische Problem in Lichte des Völker-und Menschenrechts, aus dem Institut für Internationales Recht an der Universität Kiel. Heft 15, 1931).

ըին խոշորագույն միջազգային հանցագործության նկատմամբ, հանցագործության, որը 1915 թ. կատարվեց Թուրքիայում՝ պետական իշխանության նախաձեռնությամբ ու ղեկավարությամբ: Պատմության թուրք կեղծարարներն իրենց այդ թեզը փորձում են «հիմնավորել» նրանով, որ իբր թե օրենքը հետադարձ ուժ ունի, նկատի առնելով այն, որ ցեղասպանությունը կանխելու և դրա համար պատժելու մասին կոնվենցիան ընդունվել է 1948 թ. և ուժի մեջ մտել միայն 1955 թ. հունվարի 12-ին: Եթե հետևենք այդ «ստրամաբանությանը», ապա կոնվենցիան կիրառելի չի լինի նաև նույնիսկ գերմանական Ֆաշիզմի կողմից սլավոնական ժողովուրդների և հրեաների նկատմամբ գործադրած ցեղասպանության նկատմամբ:

Միջազգային համապատասխան մարմինների նիստերում և փաստաթղթերում թուրքական պատմաբանների և պաշտոնատար անձանց այդ փորձերը հանգիպել են վճռական և փաստարկված մերժման: